

The background is a warm yellow with a pattern of small, light-colored dots. A large, hand-painted blue circle with a white border frames the central text. Inside the circle, at the top, three children are playing: a girl in a red dress, a boy in a blue shirt and green pants, and another boy in a white shirt and brown pants reaching for a blue and red ball. A green and yellow kite is flying nearby. To the right, a green wooden birdhouse on a blue stand is perched with several white birds. Below the circle, a young boy with blonde hair, wearing a blue vest over a white shirt and green pants, is crouching and reaching out to a small white dog. Two small red birds are flying to the left of the boy.

Януш Корчак

КОГДА Я  
СНОВА СТАНУ  
МАЛЕНЬКИМ

Яркая ленточка

Януш Корчак

**Когда я снова стану маленьким**

«Азбука-Аттикус»

1925

УДК 821.162.1-311.1-93  
ББК 84(4Пол)-4

**Корчак Я.**

Когда я снова стану маленьким / Я. Корчак — «Азбука-Аттикус»,  
1925 — (Яркая ленточка)

ISBN 978-5-389-15569-5

Януш Корчак (1878–1942) – выдающийся польский врач, педагог и писатель. Корчак всю свою жизнь посвятил чужим детям, к которым относился с огромной любовью и заботой. Он открыл в Варшаве дом сирот, в котором жили, учились и воспитывались дети, потерявшие родителей. Главный герой повести «Когда я снова стану маленьким» – учитель – захотел вернуться в далёкие годы детства, и ему чудесным образом это удалось. Да, он стал мальчиком, но только внешне, внутренне же оставался взрослым человеком, и ему как взрослому это превращение послужило хорошим уроком.

УДК 821.162.1-311.1-93

ББК 84(4Пол)-4

ISBN 978-5-389-15569-5

© Корчак Я., 1925  
© Азбука-Аттикус, 1925

## Содержание

Взрослому читателю	6
Юному читателю	8
Это было так	10
Первый день	15
Конец ознакомительного фрагмента.	32

# **Януш Корчак**

## **Когда я снова стану маленьким**

© Капустина О.Н., иллюстрации, 2023

© Оформление. ООО «Издательская Группа

«Азбука-Аттикус», 2023 Machaon®

\* \* \*

## Взрослому читателю



Вы говорите:

– Дети нас утомляют.

Вы правы.

Вы поясняете:

– Надо опускаться до их понятий.

Опускаться, наклоняться, сгибаться, сжиматься.

Ошибаетесь.

Не от этого мы устаём. А оттого, что надо подниматься до их чувств.

Подниматься, становиться на цыпочки, тянуться.

Чтобы не обидеть.





## Юному читателю



В этой повести нет приключений. Повесть эта – психологическая.

Она психологическая не потому, что про псов. Да и пёс-то в ней только один – Пятнашка.

«Психе» – по-гречески значит «душа», а здесь рассказывается о том, что происходит в душе человека: о чём он думает, что чувствует?





## Это было так



Лежу я однажды в постели и не сплю. Вспоминаю, как в детстве я часто думал о том, что буду делать, когда вырасту.

Разные у меня были планы.

Вот вырасту большой – построю домик. И сад у меня будет. Посажу в саду деревья разные: груши, яблони, сливы. И цветы. Одни отцветут – распустятся другие.

Накуплю книжек, с картинками и без картинок, лишь бы интересные были.

Красок куплю, цветных карандашей, стану рисовать и раскрашивать. Что увижу, то и нарисую.

Стану за садом ухаживать, беседку построю. Поставлю в ней стол, кресло. Будет она увита диким виноградом. Вернётся отец с работы, пусть в тени посидит. Наденет на нос очки, почищает газету.

А мама кур разведёт. И голубятню построим – высоко на столбе, чтобы кот или другой какой воришка не забрался.

И кролики у нас будут.

Будет у меня сорока, я её говорить научу.

Будет у меня пони и три собаки.

Иногда мне хотелось трёх собак, иногда – четырёх. Я даже знал, как их назову. Нет, всё-таки лучше трёх – каждому по одной. Моя – Бекас, а мама с папой сами имя дадут, какое понравится.

Маме – маленькую комнатную собачку. А захочет кошку – ну, тогда и кошку. Привыкнут, из одной миски станут есть. Собачке красную ленточку, а кошке – голубую.

Как-то раз я даже спросил:

– Мама, красную ленточку кому лучше – собаке или кошке?

А мама сказала:

– Опять штаны порвал.

Я спросил у папы:

– У каждого старичка, когда он сидит, обязательно должна быть скамеечка под ногами?

Папа сказал:

– У каждого ученика должны быть хорошие отметки, и он не должен стоять в углу.

Ну, я и перестал спрашивать. Уж потом всё сам придумывал.

Может быть, собаки будут охотничьи. Пойду на охоту, принесу дичи, маме отдам. А когда-нибудь даже кабана подстрелю, но не один – с товарищами. Мои товарищи тогда тоже будут уже большие.

Пойдём с ними купаться. Лодку сделаем. Захотят мама с папой – на лодке их покатаю.

Будет у меня много-много голубей. Стану письма писать и посылать с голубями. Это будут почтовые голуби.

Вот и с коровами так: то, думаю, хватит одной, то – нет, пусть лучше две.

А раз есть корова – значит, и молоко, и масло, и сыр. А куры яичек нанесут.

Потом и ульи заведём. Пчёлы, мёд.

Мама намаринует слив для гостей на всю зиму, повидла наварит.

И лес будет рядом. Уйду в лес на весь день. Захвачу с собой еды и пойду собирать голубику, землянику, бруснику. А осенью – за грибами. Насушим грибов – будут у нас и грибы.

Нарублю дров, мно-о-ого, на всю зиму. Чтоб тепло было.

Колодец надо выкопать глубокий, до родниковой воды.

Но ведь придётся ещё и покупать разные вещи: сапоги, одежду. Отец будет старенький, не сможет много зарабатывать. Мне придётся.

Запрягу лошадь и повезу на рынок овощи, фрукты – всё, что самим не нужно. А что нужно – привезу. Стану торговаться и куплю подешевле.

Или уложу яблоки в корзины и поплыву на корабле в дальние страны. В жарких странах инжир, финики, апельсины, и они там всем надоели. Вот у меня и купят яблоки. А я у них – их фрукты. Привезу попугая, обезьяну и канарейку.

Я уж теперь и сам не знаю, верил ли я во всё это или нет. Но приятно было всё так выдумывать.

Иногда я даже знал, какая у меня будет лошадь – гнедая или вороная. Увижу какую-нибудь лошадь и думаю: «Вот такая и у меня будет, когда вырасту». Потом увижу другую и думаю: «Нет, лучше вот такая». А то думаю: «Ладно, пусть будут две – и та и эта».

Или возьму да опять придумаю всё совсем по-другому.

Буду учителем. Соберу всех людей и скажу:

– Надо построить хорошую школу, чтобы не было так тесно, чтобы дети не толкались и не наступали друг другу на ноги.

Приходят дети в школу, а я спрашиваю:

– Угадайте, что мы сегодня будем делать?

Один скажет:

– Пойдём на экскурсию.

А другой:

– Диапозитивы будем смотреть.

Кто одно говорит, кто – другое.

А я отвечаю:

– Нет, всё это тоже будет, но есть у нас дело и поважнее.

И только когда все успокоятся, скажу:

– Я вам новую школу построю.

А потом я выдумываю разные препятствия. Будто бы школа уже почти готова, а тут вдруг стена обвалилась или пожар. Надо всё сначала начинать, но мы назло строим ещё лучше.

У меня всегда всё было с препятствиями. Если плыву на корабле – то буря. Если я полководец – то сперва проигрываю все сражения, и только под конец победа.

Потому что скучно, когда всё с самого начала удаётся.

Ну вот, при школе есть каток, в классах разные картины, карты, приборы, гимнастические снаряды, чучела зверей.

Наступают праздники, а мальчишки и девчонки столпились перед школой и кричат:

– Впустите нас! Не надо нам праздников, хотим в школу ходить!

Сторож их уговаривает, но это не помогает. А я сижу у себя в кабинете и ничего не знаю, потому что пишу разные бумаги... Входит сторож. Постучался и входит.

Он стучится, а я говорю:



- Войдите.  
Ну, сторож и говорит:  
– Господин учитель, ребятишки бунт подняли, праздников не хотят.  
А я отвечаю:  
– Не беда, сейчас я их успокою.  
Выхожу, посмеиваюсь – не сержусь. Объясняю:  
– Праздники так праздники. Учителя должны отдохнуть. Потому что, когда они устают, они сердятся и кричат на детей.



Поговорили мы так и решили: ребята могут приходить играть во дворе, но за порядком пусть сами следят.

По-разному я думал, что буду делать, когда вырасту.

То думаю: будут у меня только папа с мамой, а в другой раз – пусть и жена будет. Чтобы самим хозяйничать.

Жалко мне с родителями расставаться – вот и живём мы все вместе, только через сени. По одну сторону сеней – родители, по другую – мы с женой. Или пусть лучше будут два домика по соседству. Потому что старые люди любят покой. Чтобы дети не мешали, когда они прилягут после обеда. А то дети всюду носятся, топчут, стучат, кричат.

Только вот не знаю, как мне быть с детьми, кого хотеть: одних мальчишек или ещё и девочку. И как лучше: чтобы мальчик старше всех был или девочка.

Жена, пожалуй, пусть будет такая, как моя мама, а дети – и сам не знаю какие. То ли хочу, чтобы они баловались, то ли чтобы тихие были. И не знаю, что им позволять, чего не позволять. Ну, там чужого не трогать, не курить, не говорить нехороших слов; потом, чтоб не дрались и не очень ссорились.

А что я стану делать, если они подерутся, не захотят слушаться или что-нибудь натворят? Какие они должны быть – постарше или малыши?

По-разному думаю.

То хочу быть, когда вырасту, как Михал, то как дядя Костек, то как папа.

То хочу стать большим навсегда, то только так, попробовать. Потому что, может быть, сначала это и приятно, а вдруг потом снова захочется стать маленьким?

Так я думал, думал, пока и в самом деле не вырос. У меня уже есть часы, усы, письменный стол с выдвижными ящиками – всё, как у взрослых. И я в самом деле учитель. И мне нехорошо...

Нехорошо мне.

Дети на уроках не слушаются, и я должен всё время сердиться. Столько всяких огорчений. Отца с матерью уже нет.

Ну ладно.

Начну теперь думать наоборот.

Что бы я сделал, если бы снова стал маленьким? Не совсем маленьким, а таким, чтобы в школу ходить, опять играть с ребятами. Проснуться бы утром и подумать: «Что такое? Уж не снится ли мне всё это?»

Смотрю на свои руки – и удивляюсь. Смотрю на одежду – и удивляюсь. Встаю с постели, бегу к зеркалу. Что случилось?

А тут мама спрашивает:

– Встал? Быстро одевайся, а то в школу опоздаешь.

Я хотел бы, если бы снова стал маленьким, помнить, знать и уметь всё, что умею и знаю теперь. Только чтобы никто не догадывался, что я уже был большим. А я как ни в чём не бывало – притворяюсь, будто я такой же мальчик, как все: есть у меня папа и мама, и я хожу в школу. Так было бы всего интересней. А я бы всё подмечал, и было бы так смешно, что никто ни о чём не догадывается.

Ну так вот, лежу я как-то в постели, не сплю и думаю: «Знал бы, ни за что бы не хотел стать взрослым. Ребёнку во сто раз лучше. Взрослые – несчастные. Неправда, будто они делают что хотят. Нам ещё меньше разрешено, чем детям. У нас больше обязанностей, больше огорчений. Реже весёлые мысли. Мы уже не плачем – это правда, но, пожалуй, лишь потому, что плакать не стоит. Мы только тяжело вздыхаем».

И я вздохнул.

Вздохнул тяжело, глубоко: ничего не поделаешь. Никто ничего не изменит. Никогда уж больше я не буду маленьким.

Но не успел я вздохнуть, как стало темно. Совсем темно. Ничего не вижу. Только дым какой-то. Даже в носу заципало.

Скрипнула дверь. Я вздрогнул. Показался какой-то крошечный огонёк. Как звёздочка.

– Кто это?

А звёздочка движется в темноте – всё ближе и ближе. Вот уже около кровати, вот уже на подушке. Гляжу – а это фонарик. На подушке стоит маленький человечек... На голове у него высокий красный колпак. Седая борода. Гном. Только совсем маленький – с палец.

– Я пришёл.

Гном улыбается, ждёт.

И я улыбнулся. Потому что подумал, что мне это снится. Ведь и взрослому, бывает, приснится детский сон – даже удивляешься, откуда он взялся.

А гном говорит:

– Ты меня звал, вот я и пришёл. Чего ты хочешь? Только скорей!

Не говорит, а как-то чирикает, тихо-тихо. А я всё слышу и понимаю.

– Ты меня сам вызывал, – говорит, – а теперь не веришь.

И помахивает фонариком: вправо, влево, вправо, влево.

– Ты не веришь, – говорит. – Раньше все люди знали, что бывают чудеса. А теперь в колдунов, гномов и ведьм верят одни дети.

Помахивает фонариком и головой покачивает. А я даже шевельнуться боюсь.

– Ну, назови какое-нибудь желание. Попробуй. Чего тебе стоит?

Я пошевелил губами, чтобы спросить, а он уже догадался, знает.

– Ты меня вызвал Вздохом Тоски. Многие думают, что заклятье – это обязательно слова. Да нет же, нет!

И головой качает – нет, мол... Переступает с ноги на ногу. Смешно так. И фонариком – то вправо, то влево. А я чувствую, что уже засыпаю. И широко раскрываю глаза, чтобы не заснуть. Потому что заснуть мне жалко.

– Вот видишь, – говорит гном, – видишь, какой ты упрямый! Скорей, не то я уйду. Мне долго нельзя оставаться. Потом пожалеешь...

А мне и хочется назвать желание, да не могу. Видно, так уж заведено на свете, что говорить легко, только когда тебе чего-нибудь не особенно хочется, а вот когда чего-нибудь очень хочешь, то трудно.

Вижу, что гном огорчился. Жалко мне его. Но сказать ничего не могу.

– Ну, прощай, – говорит. – А жаль...

И вот он уже уходит. Только тут я быстро прошептал:

– Хочу опять стать маленьким.

Он вернулся, завертелся волчком – и прямо мне в глаза фонариком. И чирикнул что-то, но я не расслышал. Не знаю, как гном ушёл. Только когда я утром проснулся, я всё помнил.

С любопытством оглядываю комнату.

Нет, это мне вовсе не снилось.

Всё правда.



## Первый день



Я никому не говорю, что был взрослым, делаю вид, что всегда был мальчиком, и жду, что из этого выйдет. Всё мне как-то странно, смешно. Смотрю и жду.

Жду, когда мама отрежет мне хлеба, будто я сам не могу. Мама спрашивает, сделал ли я уроки. Говорю, что да, сделал, а как на самом деле – не знаю.

Всё как в сказке о Спящей царевне, и даже хуже. Потому что царевна проспала сто лет, но и все спали вместе с ней, а потом вместе с ней проснулись: и повара, и мухи, и вся прислуга, и даже огонь в камине. Проснулись такими же, как были. А я проснулся совсем другим.

Я взглянул на часы и сразу отвернулся, чтобы себя не выдать. А вдруг тот мальчик не умел узнавать время?

Интересно, что будет в школе, каких я там встречу товарищей? Заметят они что-нибудь или будут думать, что я уже давно хожу в школу? Странно, что я знаю, в какую мне школу идти, на какой она улице. Знаю даже, что наш класс на втором этаже, а я сижу за четвёртой партой, около окна. А рядом со мной Гаевский.

Иду, размахивая руками, марширую. Лёгким шагом, выспавшийся. Совсем не так, как когда был учителем. Смотрю по сторонам. Ударил рукой по жестяной вывеске. Сам не знаю, зачем я это сделал. Холодно, даже пар изо рта идёт. Нарочно дышу так, чтобы было побольше пара. Мне приходит в голову, что я могу засвистеть как паровоз. И начать пускать пар, и бежать, а не идти. Но я как-то стыжусь. Ну а, собственно, чего? Для того ведь я и хотел снова стать маленьким, чтобы мне было весело.

Но сразу как-то нельзя. Сначала надо ко всему присмотреться.

Идут ученики и ученицы, идут взрослые. Я смотрю, кто из них веселее. И эти идут спокойно, и те спокойно. Понятно: ведь на улице нельзя шалить. Да и не расшевелились ещё. Я – другое дело: ведь я всего один день как стал ребёнком, мне весело.

И как-то странно. Словно я стыжусь чего-то...

Ничего. В первый день так и должно быть. Потом привыкну.

Иду я и вдруг вижу большущий воз. А лошадь никак его с места не сдвинет. Видно, плохо подкована – ноги скользят. Стоят мальчишки, смотрят. Остановился и я.

«Сдвинет или не сдвинет?»

Растираю уши, топаю, а то ноги мёрзнут – скорей бы уж воз тронулся, тогда бы всё кончилось... А уходить, так ничего и не увидев, жалко. Лошадь, может быть, упадёт, как тогда справится возчик? Если бы я был большой, то прошёл бы равнодушно мимо; наверно, и вовсе бы не заметил. А раз я мальчик, мне всё интересно.



Смотрю, как взрослые то и дело отстраняют нас с дороги, потому что мы им мешаем. И куда они так торопятся?

Ну хорошо. Воз наконец тронулся. И вот я прихожу в школу. Вешаю пальто в своём классе. А там шум. Кто-то говорит, что Висла стала.

– Сегодня ночью.

Другой говорит, что это неправда. Ссорятся. Вернее, не ссорятся, а спорят.

– Видали! Первый мороз, а у него Висла стала! Ну, сало-то, может, и плывёт...

– А вот в том-то и дело, что не плывёт.

– Ладно, хватит чепуху молоть!

Тут и другие ребята вмешались. Взрослый, наверное, сказал бы, что они ссорятся. И правда, один говорит: «Ты дурак!», а другой ему: «Сам балда!» От Вислы перешли к снегу. Выпадет сегодня снег или нет? Раз дым из трубы идёт вверх – значит, снега не будет. И по воробьям можно узнать, будет ли снег. Кто-то говорит, что видел барометр.

И снова:

– Дурак!

– Зато ты умный!

– Врёшь!

– А может, это ты врёшь?

Участие в споре принимают не все. Иные стоят, сами ничего не говорят, а только слушают.

Я тоже слушаю и вспоминаю, что ведь и взрослые в кондитерской часто ссорятся: не из-за снега, а из-за политики. Совершенно так же. И так же говорят:

– Бьюсь об заклад, что президент не примет отставки!

А здесь:

– Бьюсь об заклад, что снега не будет!

Взрослые не говорят «дурак», «врёшь» – спорят повежливее, но тоже шум поднимают.

Стою я, слушаю, а тут влетает Ковальский.

– Эй, ты, примеры решил? Дай списать. У нас вчера гости были. А учительница, может, проверять будет.

Я как ни в чём не бывало раскрываю сумку и смотрю, что делается в тетрадке. Словно она не моя, а другого мальчика, который за меня вчера приготовил уроки.

В это время звонок. А Ковальский не ждёт, когда я ему разрешу, хватает тетрадку и мчится к своей парте. И вдруг мне приходит в голову, что, если он всё переписет точь-в-точь как у меня, учительница может это заметить и подумает, что это я у него сдул. Ещё в угол меня поставит.

Смешно мне показалось, что я буду в углу стоять.

А Висьневский спрашивает:

– Чего смеёшься?

– Так, вспомнилась одна вещь, – говорю я и продолжаю смеяться.

А он:

– Сумасшедший. Смеётся, а чему, сам не знает.

Я говорю:

– Ничего я не сумасшедший. Может, и знаю, да только тебе говорить не хочу.

А он:

– Скажите какие секреты!

И отошёл обиженный.

Странно, что я знаю, как их всех зовут: ведь я вижу их первый раз, и они меня тоже. Совсем как во сне.

Тут входит учительница, а Ковальский тетрадки не отдал. Я зову шёпотом: «Ковальский, Ковальский!» – а он не слышит или делает вид, что не слышит. Учительница говорит:

– Ты что вертишься? Сиди спокойно.

А я думаю: «Ну вот и заработал в школе первое замечание».

А сижу я беспокойно, потому что тетрадки-то у меня нет. Я спрятался за ученика, который сидит впереди, и жду, что будет.

Боюсь. Неприятно бояться. Если бы я был взрослый, я бы не боялся. Никто бы примеров у меня не списывал. А раз я ученик и товарищ меня попросил, не мог же я ему отказать. Он бы сразу сказал, что я эгоист, только о себе и думаю. Сказал бы, что я хитрый – хочу, чтобы учительница только меня одного хвалила.

Пожалуй, я буду учиться лучше всех, потому что я ведь уже один раз кончал школу. Правда, позабыл кое-что, но одно дело – вспоминать, а другое – учить заново.

Учительница объясняет грамматическое правило, а я его давно знаю. Учительница велит нам писать, а я раз – и написал. Написал и сижу. Учительница заметила, что я ничего не делаю, спрашивает:

– А ты почему не пишешь?

Я говорю:

– Я уже написал.

– Покажи-ка, что ты там написал, – говорит учительница, и видно, что она раздражена.

Я иду к учительнице и показываю ей тетрадь.

– Да, хорошо, но одну ошибку ты всё-таки сделал.

– Где? – спрашиваю я, словно удивляясь.

Я нарочно сделал ошибку, чтобы учительница не догадалась, что я уже один раз кончал школу.

Учительница говорит:

– Поищи сам, где ошибка. Если бы ты так не спешил, мог бы совсем хорошо написать.

Я возвращаюсь на своё место и делаю вид, что ищу ошибку. Притворяюсь, что очень занят.

Придётся мне выполнять задания помедленней, но только вначале. Потом, когда я уже буду лучшим учеником в классе, учителя привыкнут к тому, что я способный.

Однако я начинаю скучать. Учительница спрашивает:

– Нашёл ошибку?

Я говорю:

– Нашёл.

– Ну-ка покажи.

Учительница говорит: «Да, верно».

И тут звонок.

Звонок – значит, перемена. Передышка. Дежурный выгоняет всех из класса и открывает окна.

А мне что делать? Странно мне показалось, что я буду носиться по двору с мальчишками. Но я пробую, не отстаю от других!

Здорово, весело. Ну и здорово!

Как давно я не бегал!

Когда я был молодым, то пускался даже, бывало, вдогонку за трамваем или поездом. Иногда я дурачился с детьми у знакомых. Делал вид, что хочу их поймать, да не могу – убегают. Это когда я был молодым. Потом уж я не спешил. Ушёл у меня из-под носа трамвай – подожду другого. А когда я в шутку догонял ребёнка, то сделаю несколько шагов и топаю ногами на одном месте. А он-то бежит изо всех сил и только издали оглянётся. Или бегают вокруг меня, описывая большие круги, а я кружусь на одном месте и делаю вид, что сейчас

брошусь в погоню. Он думает, что если бы я захотел, то сразу бы его поймал, потому что я взрослый. А я не могу. Силы-то у меня есть, да сердце сразу стучать начинает. И по лестнице я уже взбирался медленно, и если высоко было, то отдыхал по дороге.

А теперь мчусь так, что ветер в ушах свистит. Я вспотел, но это ничего. Хорошо, весело. Я даже подпрыгнул от радости и крикнул:

– Как здорово быть маленьким!

Но тут же испугался и оглянулся – не слышал ли кто? Ведь могут подумать, что раз я так радуюсь – значит, не всегда был маленьким.

Мчусь так, что только в глазах мелькает. Устал. Но стоит остановиться на минуту, перевести дух – и уже отдохнул, и снова дальше!

Хорошо, что лечу как стрела, не то что раньше – шлёп-шлёп, плетусь еле-еле.

О добрый гном, как я тебе благодарен!

Ведь для детей бег – как верховая езда галопом, «с вихрями споря». Ничего не помнишь, ни о чём не думаешь, ничего не видишь – только жизнь ощущаешь, полноту жизни. Чувствуешь, что в тебе и вокруг тебя воздух.

Догоняешь ли, убегаешь ли – всё равно! Быстрее!

Я упал. Разбил коленку. Больно. Звонок.

Жаль. Ещё бы немножко. Ещё бы минутку.

– Кто скорее, я или ты?

Нога уже не болит. Ветер снова хлещет в глаза, в лицо, в грудь. Снова мчусь стремглав, чтобы быть первым. Чудом не натываюсь на ребят, преодолеваю преграды. Порог школы, хватаюсь рукой за перила – и вверх по лестнице. Не оглядываюсь, чувствую, что оставил его далеко позади. Победа!

И со всего размаха в узком коридоре – бац на директора! Директор чуть не упал.

Я видел директора, но остановиться уже не мог. Совсем как машинист, шофёр или вагоновожатый.

В эту минуту я понял, что детей обвиняют несправедливо: они не виноваты – это случай, несчастье, но не вина. Может быть, я и в самом деле утратил сноровку? Боже, столько лет, столько лет!

Я мог бы смешаться с толпой ребят, потому что все бежали. Но ведь я только первый день ученик.

И я как дурак остановился. Даже не сказал: «Простите...» А директор схватил меня за ворот и как встряхнёт! Даже голова у меня заболталась... И такой злой...

– Как тебя зовут, шалопай?

Я замер. Сердце так колотится, что слова выговорить не могу. Он знает, что я не нарочно, – значит, должен простить. Но, с другой стороны, так, с размаху, налететь на директора... Он ведь мог упасть, расшибиться. Я хочу что-нибудь сказать, но язык прилипает к гор-тани. А директор опять встряхнул меня и кричит:

– Будешь ты отвечать или нет? Я спрашиваю, как твоя фамилия?

А вокруг уже толпа. Все смотрят. И мне стыдно, что собралось столько народу. Тут как раз учительница проходила, погнала всех в класс. Я один остался. Опустил голову, точно преступник.

– Иди в учительскую!

Я говорю тихо:

– Господин директор, позвольте объяснить.

А директор:

– Ну что там ещё объяснять! Почему сразу не отвечал, когда я фамилию спрашивал?

Я говорю:

– Стыдно было: все стоят, смотрят.

– А носиться как угорелому тебе не стыдно? Придёшь завтра с матерью.

Я заплакал. Слезы сами катятся, как горох. Даже в носу мокро. Директор посмотрел, и, видно, ему меня жалко стало.

– Вот видишь, – говорит, – как плохо баловаться, потом плакать приходится.

Если бы я сейчас извинился, он бы простил. Но мне стыдно просить извинения. Мне хочется сказать: «Накажите меня, пожалуйста, как-нибудь по-другому, зачем маму огорчать». Хочется, да сказать не могу, слёзы мешают.

– Ладно, иди в класс, урок начался.

Я поклонился, иду. В классе опять все смотрят. И учительница смотрит. А Марыльский меня сзади подталкивает:

– Ну что?

Я не отвечаю, а он снова:

– Что он тебе сказал?

Я разозлился. Ну что он пристаёт, какое ему дело?

Учительница говорит:

– Марыльский, прошу не разговаривать.

Наверное, учительнице тоже хотелось, чтобы он оставил меня в покое. Видно, поняла, что у меня горе, – за весь урок ни разу не вызвала.

А я сижу и думаю. Мне о многом надо подумать. Сижу, не слушаю, не знаю даже, про что говорят. А это как раз арифметика.

Ребята подходят к доске, пишут, стирают. Учительница взяла мел и что-то говорит, объясняет. Я хуже глухого. Потому что я и не слышу и не вижу. И даже вида не делаю, что понимаю.

Учительница, наверное, сразу догадалась, что я не слушаю. Должно быть, добрая, другая назло бы вызвала. Теперь я понимаю, почему у детей, когда им что-нибудь одно не удастся, и другое не ладится. Сразу веру в себя теряешь. А должно бы быть так: один накричит, а другой похвалит, ободрит, утешит. Да и надо ли кричать? Сам не знаю... Может быть, надо, а может быть, и нет.

А я как делал, когда был учителем? Разное бывало. Ну хорошо, я налетел на директора, и он схватил меня за шиворот. А что ещё он мог сделать? Разозлился, потом успокоился. Только вот простил ли?

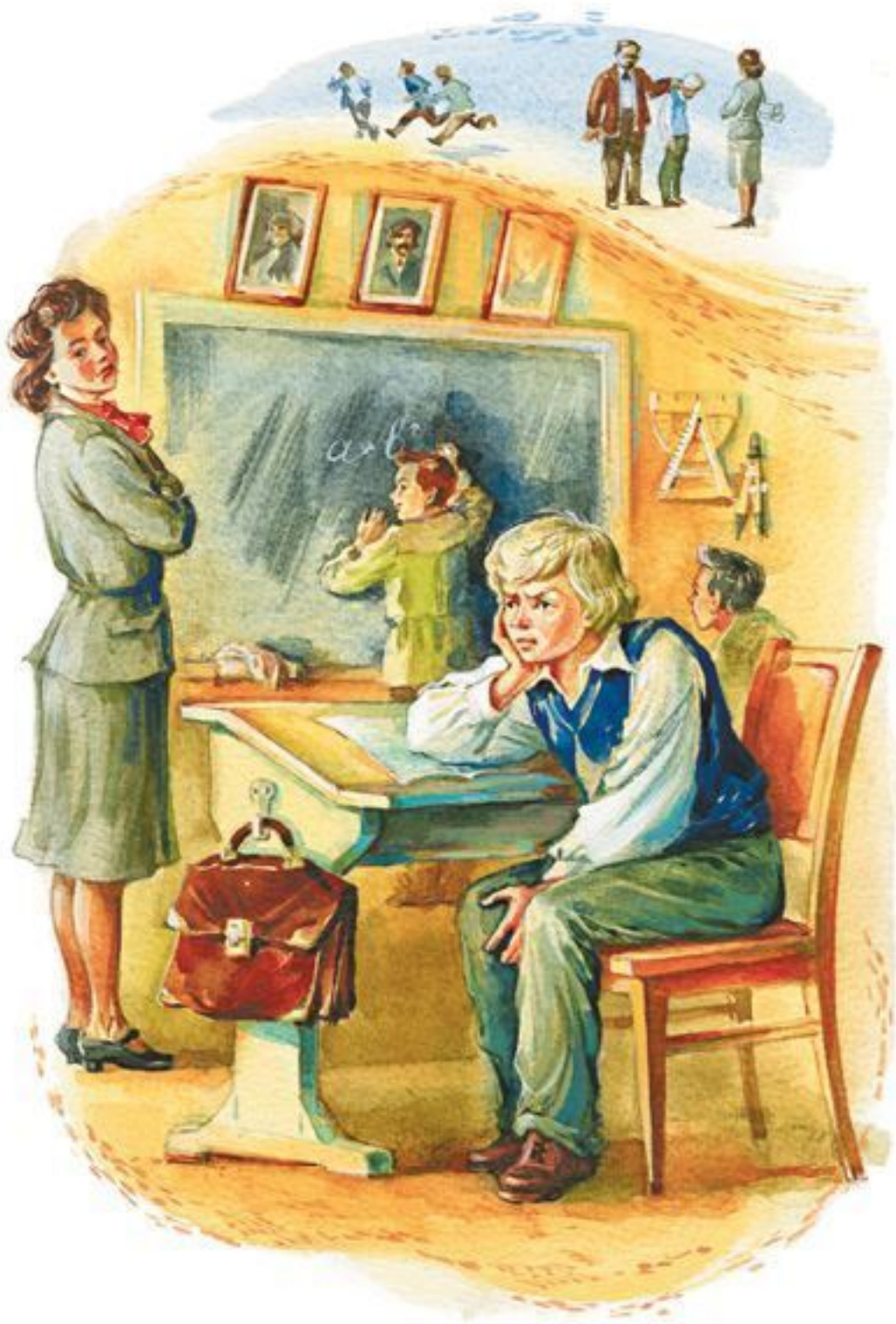
Сказал: «Иди в класс».

И не знаю, приходит ли мне завтра с мамой или нет.

И вот я думаю: «Всего лишь несколько часов я ребёнок, а как много уже пережил».

Два раза мне пришлось испытать страх: один раз, когда у меня Ковальский тетрадку взял, другой раз – с директором. А ведь с директором это ещё не всё, и я не знаю, как мне быть. Ну и натерпелся же я стыда, когда меня, как вора, за шиворот держали. Взрослого ведь никто не хватает и не трясёт, когда он нечаянно кого-нибудь толкнёт. Правда, взрослые осторожнее ходят, но всё-таки иногда это с ними случается.

Но ведь детям не запрещается бегать?



Странно, что мне никогда это не приходило в голову, когда я был большим.

Всего лишь несколько часов я ребёнок, и уже первые слёзы. Да и теперь, хоть глаза у меня сухие, на сердце обида.

И это ещё не всё. Ведь я и упасть успел. Спускаю чулок, смотрю: кожа на коленке содрана – не в кровь, но больно. Вернее, не больно, а саднит. Сперва я этого и не почувствовал, а теперь, когда сижу вот так, и на душе у меня горько...

Всего только два часа, как я ученик, а учительница уже сделала мне замечание, чтобы я не вертелся и сидел спокойно.

А что было бы, если бы она знала, что я дал списать примеры? Что было бы, если бы она сказала мне: «Повтори»?

Я не слушаю. Ничего не слушаю. А в классе надо не только спокойно сидеть, но и знать, что делается вокруг.

Значит, я и обманщик, и невнимательный, и бегаю точно угорелый, а всё только потому, что я – снова ребёнок. А если так, то, может быть, лучше было оставаться взрослым?

И мне стало жалко ту лошадь, которая не могла сдвинуть воз, потому что была плохо подкована, а воз тяжёлый, и у неё копыта по льду скользили.

Я ещё немного подумал о лошади, потом снова вернулся к своим мыслям.

А было ли мне лучше, когда я был большим? Может быть, директор ещё и простит. По коридору я теперь буду осторожно ходить. Может быть, и в самом деле ночью выпадет снег? А я так тоскую по снегу, словно он мне брат родной.

Глянул я в окно – солнца не видно, такая метель. Не помню, побились ли они в конце концов об заклад насчёт снега. И я подумал, что в Америке взрослые тоже любят по всякому случаю биться об заклад.

Может быть, дети и в самом деле не так уж сильно отличаются от взрослых?

А за окном туча ещё больше стала, чёрная. И мне пришло в голову: «Ребёнок словно весна. То солнце выглянет – и тогда ясно и очень весело и красиво. То вдруг гроза – блеснёт молния и ударит гром. А взрослые словно всегда в тумане. Тоскливый туман их окружает. Ни больших радостей, ни больших печалей. Всё как-то серо и серьёзно. Ведь я помню. Наша радость и тоска налетают как ураган, а их – еле плетутся».

Это сравнение мне понравилось. Да, если бы даже я и мог снова измениться, я предпочёл бы ещё побыть ребёнком.

И так мне стало хорошо и спокойно, как бывает, когда выйдешь вечером в поле, а ветерок ласково треплет тебя по лицу – словно кто рукой прикоснулся. А на небе звёзды. И всё спит. И запах поля и леса.

Быстро пролетел для меня этот час. Если я опять буду учителем, то никогда не стану вызывать ученика, с которым случилась беда. Пусть подумает, успокоится, отдохнёт.

Я даже вздрогнул, когда раздался звонок.

И тут сразу начали приставать:

– Ты почему плакал? Что тебе директор сказал?

Взрослые не велят драться. Они думают, что мы дерёмся ради удовольствия. Конечно, есть и озорники – мальчишки посильнее, которые задирают слабых. Мы их избегаем, обходим. Но они от этого только ещё больше наглеют. И, когда чаша терпения переполнится, приходится наконец дать им урок. К счастью, таких немного. Они – наше проклятье. И смешно, что из-за них взрослые обвиняют нас всех. Взрослые не знают, что такое задира, а ведь задира и самого тихого может привести в ярость.

Ну, случилась беда. Каждый сам может догадаться, что мне сказал директор, раз я его чуть не опрокинул. Зачем спрашивать: «Что? Как?»

И хоть бы один. А то от одного отвязался, другой подходит – и опять всё сначала. Видит ведь, что не хочу говорить. Я и не знаком-то с ним, почти не разговариваю, – и этот туда же:

– Это ты налетел на директора? Он, наверное, велел тебе с матерью прийти?

Нет, не дадут человеку побыть грустным. Будут лезть, пока из грустного не сделаешься злым.

Первому я отвечаю спокойно. Второму говорю:

– Отстань.

Третьему:

– Отвяжись!

Четвёртого я отталкиваю.

Теперь подходит Висьневский. Утром он говорил, что я сумасшедший, а теперь хочет, чтобы я ему всё рассказал.

– Ну что? Почему ты ревел? Здорово он тебя отругал? Надо было сказать, что тебя толкнули.

– Сам ври, коли хочешь, – говорю я.

И сразу же пожалел об этом.

– Подумаешь, какой правдивый! Глядите, ребята, какой святой нашёлся!..

Я хочу уйти, а он не пускает.

– погоди, куда спешишь?

Идёт рядом и нет-нет, да кулаком в бок.

Я взял да и оттолкнул его. А он ещё пуще разошёлся:

– Не толкайся, школа не твоя. Думает, раз его учительница похвалила, что одну ошибку сделал, так он уж и воображать может.

В первую минуту я даже не понял, что он там мелет. Потом только сообразил.

Я уже подхожу к двери, а он удерживает:

– погоди, куда так торопишься?

Не отпускает.

– Деточка, – говорит. – Наплакалась детусенька. Расплакалась девчужечка.

И грязной лапой меня по лицу.

Я замахнулся. Он сильный, этот Висьневский. Но я до того разозлился, что мне всё равно – будь что будет. Дойди дело до драки, он бы здорово получил.

А что сказал бы директор, если бы случайно проходил мимо? Конечно, что виноват я. Один раз уже попался, а теперь снова. Он меня запомнил. Случись что, сразу вся вина на меня. Потому что я озорник. «Я тебя знаю. Это уже не в первый раз».

Когда я был учителем, я ведь тоже так говорил.

Но тут входит учительница: проверить, все ли вышли из класса.

– Выходите, ребята! Идите побегайте.

А он, бессовестный, ещё жалуется:

– Госпожа учительница, я хотел выйти, а он меня не пускает.

Мне стало до того противно, хоть плюнь.

– Ну, идите, идите!

Он прищурил один глаз, скривил рот, широко расставил ноги и так, кривляясь, вышел из класса. Я за ним.

Во двор я не пошёл. Жду, когда кончится перемена.

Подходит Манек. Посмотрел на меня и говорит тихонько:

– Хочешь, пойдём поиграем?

Я говорю:

– Нет.

Он ещё постоял, посмотрел, не захочу ли я с ним заговорить.

Этот – другое дело. Я ему говорю: так, мол, и так.

– Не знаю, простил или нет.

Манек подумал.

– А ты узнай. Это он со злости сказал. Зайди в учительскую, спроси – наверное, забыл уже.

А потом был урок рисования.

Учительница сказала, чтобы каждый рисовал что хочет: какой-нибудь листок, или зимний пейзаж, или ещё что-нибудь.

Я беру карандаш. Что бы такое нарисовать?



А я рисовать никогда не учился. Когда был большим, тоже не очень-то умел. Вообще в моё время нехорошие были школы. Строгие, скучные. Ничего там не позволяли. Такое всё было чужое, так было холодно и душно, что, когда мне потом снилась школа, я всегда просыпался в холодном поту. И всегда был счастлив, что это сон, а не правда.

– Ты ещё не начинал? – спрашивает учительница.

– Думаю, с чего начать.

А у учительницы светлые волосы и добрая улыбка. Она посмотрела мне в глаза и говорит:

– Ну, думай, может быть, и придумаешь что-нибудь хорошее.

И, сам не знаю почему, я сказал:

– Я нарисую школу – как раньше было.

– А ты откуда знаешь, как было раньше?

– Папа рассказывал.

Пришлось мне солгать.

– Хорошо, – говорит учительница, – это будет очень интересно.

Я думаю: «Выйдет или не выйдет? Ладно, ведь и другие мальчишки не такие уж великие художники».

Рисую я неважно, ну да ничего. Самое худшее – посмеются. Ну и пусть смеются...

Есть такие картины, которые из трёх картин состоят: одна посередине, а две по бокам. Все они разные, но составляют одно целое. Такая картина называется триптих.

Я разделил страницу на три части. Посередине нарисовал перемену. Мальчишки гоняются друг за другом, а один что-то натворил – учитель дерёт его за ухо, он вырывается и плачет.

А учитель его крепко за ухо держит и лупит что есть силы по спине, вроде как бы шпиц-рутенем. Мальчишка приподнял ногу и словно повис в воздухе. А другие вокруг стоят, головы опустили, ничего не говорят – боятся.

Это посередине.

На картине справа я нарисовал урок – как учитель бьёт ученика линейкой по рукам. Смеётся один только подлиза с первой парты, а другим жалко.

На картине слева – секут настоящими розгами.

Мальчик лежит на скамье, сторож держит его за ноги. А учитель каллиграфии с бородкой поднял вверх руку, в руке – розга.

Такая мрачная картина, точно всё это в тюрьме. Я нарочно сделал тёмный фон.

Сверху я надписал: «Триптих, старая школа».

Когда мне было восемь лет, я ходил в эту школу. Это была моя первая начальная школа, называлась она «Приготовительная».

Помню, одного мальчика высекли. Сёк его учитель каллиграфии. Не знаю только, учителя ли звали Кох, а ученика Новицкий или ученика Кох, а учителя Новицкий.

Я был тогда совсем маленький и ходил в ту школу недолго. Но я вижу всё это так ясно, словно это было вчера.

И вот я рисую. Карандаш так и бежит по бумаге. Мне даже странно.

Головы у учеников получаются маленькие, но я стараюсь, чтобы все они были разные и каждое лицо имело своё выражение. И чтобы все ученики были в разных позах: один облокотился, другой привстал. Себя я тоже нарисовал, но не в первом ряду.

Рисую, а уши у меня так и горят; жарко, и словно кого-то догоняю.

Это я рисовал с вдохновением.

Я ведь был уже один раз взрослым и знаю, что называется вдохновением. У Мицкевича, когда он писал «Импровизацию», было вдохновение.

Вдохновение – это когда трудная работа становится вдруг лёгкой. И тогда очень приятно рисовать, писать, вырезать, что-нибудь мастерить. Всё тогда удаётся, а ты даже и сам не знаешь, как ты это делаешь. Словно всё само собой делается, словно кто-то за тебя работает, а ты только

смотришь. А когда кончишь, удивляешься – точно это не твоя работа. И устал и доволен, что так хорошо получилось.

Когда придёт вдохновение, то не замечаешь даже, что происходит вокруг.

По-моему, дети часто работают с вдохновением, только им мешают.

Например, рассказываешь что-нибудь, или читаешь, или пишешь. Или сразу понял задачу. Даже может выйти какая-нибудь ошибка, но всё равно это не ошибка, или очень маленькая. А тут вдруг прервут, заставят исправить, повторить, что-нибудь ещё прибавят, объяснят. И сразу всё пропало. Ты злишься, тебе уже и продолжать-то не хочется, и ничего не выходит.

Когда у человека вдохновение, никто не имеет права вмешиваться. Потому что тогда он должен быть один, ничего не видеть, не слышать.

Так было и со мной. Учительница стоит у моей парты и смотрит, как я рисую, а я и не замечаю. Знай себе рисую. Тут чёрточку добавлю, там точку, и выходит всё лучше и лучше.

Учительница, наверное, долго так стояла, только я этого не знал.

А я погляжу издали на рисунок и снова что-нибудь подправлю, но всё осторожнее. Потому что, если слишком много поправлять, можно всё испортить. Я устал. И вдруг почувствовал, что на меня смотрят. Поднял голову, а учительница улыбнулась и погладила меня по щеке.

Я не люблю, когда меня кто-нибудь гладит или ко мне прикасается. Но рука у учительницы прохладная и мягкая. И я тоже улыбнулся.

Учительница спрашивает:

– Откуда ты знаешь, что это триптих?

– Знаю, я на картине видел, на открытке, в костёле.

Я сбиваюсь и краснею всё больше. А учительница спрашивает:

– Можно?

Я подаю ей тетрадку и говорю:

– Пожалуйста.



Учительница смотрит мои старые рисунки и этот, последний. А Висьневский соскочил со своей парты и тоже нос суёт, говорит:

– Триптих.

Я испугался, что учительница начнёт мой рисунок хвалить и всем показывать. Неужели она не понимает, что среди стольких ребят всегда найдётся один завидующий или какой-нибудь шут гороховый, который будет потом приставать да высмеивать? И учительница, видно, поняла это, потому что велела Висьневскому сесть на место, а мне сказала только:

– Ну, теперь отдохни.

Закрывает тетрадку и осторожно положила передо мной на парту.

Осторожно, аккуратно.

Я сразу же подумал, что если бы я опять стал учителем, то не бросал бы тетрадки на парту, когда неверно написано, не перечёркивал бы жирной чертой, так что чернила брызнут. Я клал бы их так же осторожно, аккуратно, как эта учительница.

Отдыхал я недолго: урок кончился. Мне надо идти в учительскую. Но в дверях учительской стоит директор, и я остановился. И учительница рядом стоит. И сторож подходит...

Я уже два раза начинал: «Пожалуйста, господин директор...», но знаю, что директор не слышит, потому что я говорю тихо. Ужасно неприятно, когда тебе надо что-нибудь сказать, а начать стыдно.

Они разговаривают о каких-то там своих делах, а я даже ничего не слышу. Вдруг директор обращается ко мне:

– Иди в шестой класс и посмотри, там ли глобус. Только быстро, бегом.

И тут только он взглянул на меня и, видно, припомнил, потому что сказал:

– Да смотри не налети на кого-нибудь по дороге!

Прибежал я в шестой класс, а ребята мне кричат:

– Эй, выметайся, чего прилез?

– Глобус у вас?

– Ишь чего захотел!

И выталкивают. Я спешу, а они ещё толкаются. Я вырвался и говорю:

– Директор спрашивает.

А один не расслышал и орёт:

– Ты ещё здесь? Убирайся, щенок, пока цел!

Я не знаю, что делать. Опять кричу:

– Директор!..

– Что – директор?..

– Спрашивает, глобус у вас?

– Ничего у нас нет, понятно?

Стукнул меня по голове и захлопнул дверь перед носом.

Я возвращаюсь к учительской, а что говорить, не знаю.

– Они сказали, что нет.

К счастью, один ученик как раз несёт глобус. И сердится, что опять поломают. Объясниться с директором нет никакой возможности, а откладывать не хочется. И я в отчаянии потянул за рукав учительницу. Не потянул, а слегка только дотронулся и говорю тихонько:

– Госпожа учительница...

А учительница сразу услышала. Отошла со мной в сторону, нагнулась:

– Ты что?

И тут я сказал совсем тихо:

– Попросите, пожалуйста, директора, чтобы он маму не вызывал.

Так тихо сказал, словно на ухо. Неудобно быть маленьким. Всё время надо задирать голову... Всё происходит где-то наверху, над тобой. И чувствуешь себя каким-то затерянным, слабым, ничтожным. Может быть, поэтому мы любим стоять около взрослых, когда они сидят, – так мы видим их глаза.

– Почему директор вызывает твою маму?

Мне стыдно сказать. Неприятно рассказывать такую глупость. Я опустил голову, а учительница нагнулась ещё ниже.

– Ведь если я не знаю, я и просить не могу. Ты очень набедакурил?

Я говорю:

– Нет.

Но я и сам не знаю, так ли это.

– Ну, расскажи.

Может быть, мы потому неохотно рассказываем о чём-либо взрослым, что они всегда куда-то торопятся. Всегда кажется, что всё это их не касается, что они просто так скажут что-нибудь, лишь бы отделаться, отвязаться поскорее. Да и правда, у них свои дела, а у нас – свои. Вот мы и стараемся всегда рассказать покороче, чтобы не забивать им голову. Будто наше дело не такое уж важное, пусть только скажут: да или нет.

– Я бежал по коридору. И налетел на директора.

– И ушиб его?

– Нет, только рукой упёрся ему в пузо.

– В живот, – поправила учительница.

И улыбнулась.

А через минуту всё уже было улажено. Я подумал: «Спасибо» – и пошёл в класс. Даже не поклонился. Это, наверное, было невежливо. Да ладно, не важно. Только бы уж опять сесть за парту, только бы поскорее всё это кончилось.

А на последнем уроке учитель читал об эскимосах. Зима у них длится полгода, а дома они строят из снега. Такие домики называются «и́глу». Можно и огонь внутри разжигать, но должно быть всегда холодно, а то дом растает.

Когда я был взрослым, я уже знал всё это об эскимосах и, может быть, даже больше. Но мне как-то было не до них. Я даже ни разу не подумал о том, есть ли они на самом деле. Теперь другое дело. Теперь мне их жалко.

Хотя глаза у меня открыты и гляжу я на учителя, я вижу бескрайние ледяные поля – только лёд да снег. Ни одного кустика, ни одного деревца. Ни сосны, ни травинки. Ничего. Только лёд да снег. Потом у них наступает ночь. Ветер, тьма, иногда только северное сияние. И я чувствую этот холод и эту тоску. Бедные эскимосы, холодная у них жизнь! У нас самый бедный, и тот хоть на солнышке может погреться...

Когда учитель читал, так тихо было. Только один раз сзади кто-то зашептал. Учитель даже и не взглянул на него, но мы сразу оглянулись. Если бы и нашёлся дурак, которого бы это не занимало, он не осмелился бы помешать. Пусть бы только попробовал!

Притихшие ребята так и впились глазами в учителя, даже моргнуть боятся. Наверное, тоже видят перед собой бескрайние ледяные поля.

Жалко, что география была не перед уроком рисования. Я бы тогда лучше нарисовал. Я нарисовал бы глаза ребят. Правда, когда того ученика наказывали розгами, ребята смотрели по-другому. Сейчас в их глазах мечтательное выражение, а тогда был ужас.

Я вынимаю тетрадку для рисования, разглядываю свой триптих и перестаю слушать.

И вдруг в классе поднялся шум. Что такое? Все кричат, спорят. Я не сразу догадался, о чём читал учитель, когда я не слушал. Он, видно, читал про то, как охотятся на моржей и тюленей.

Все задают вопросы. Один хочет знать одно, другой – другое. Даже с мест повскакали. Учитель говорит, чтобы все сели, что он из-за крика ничего не слышит и, пока все не успокоятся, отвечать не будет. А ребята не могут успокоиться, потому что каждому хочется знать всё подробно.

– А хлеб эскимосы едят? А почему они не поедут туда, где теплее? А нельзя им выстроить кирпичные дома? А кто сильнее – морж или лев? А может эскимос замёрзнуть до смерти, если заблудится? А волки там есть? А читать они умеют? А нет ли среди них людоедов? Любят ли они белых? Есть ли у них король? Откуда они берут гвозди для санок?

Один рассказывает, как его дедушка однажды зимой заблудился в поле. Другой – про волков. Каждый кричит, чтобы остальные сидели тихо, потому что он сам хочет сказать или спросить что-нибудь важное.

Если человеку до чего-нибудь нет дела, он может и подождать. А до эскимосов ребятам очень даже есть дело. Ведь они сами минуту назад как бы жили на краю земли, на самом полюсе, и теперь хотят знать, как живут их близкие, знакомые, родственники, которые там остались и которым плохо. Жаждают им помочь.

Когда прежде ссылали в Сибирь политических заключённых и кто-нибудь оттуда возвращался, то матери, сёстры и невесты тоже расспрашивали, какая там жизнь, что они там делают, вернутся ли и когда. Потому что из письма не много можно узнать.

И из книжки не всё узнаешь. Учитель должен ещё раз сам рассказать всё, что ему известно о моржах, о снеге, об оленях, о северном сиянии. А кое-что и повторить. Потому что ребята от волнения не всё слышали.

Для учителя это четвёртый урок, четвёртый час работы в школе, а для класса – вести из далёкого края от дорогих людей. И учитель устал, и мы – только по-разному. И вот нарастает раздражение. С него довольно, а мы хотим ещё!

Учитель почти рассердился. Грозится, что в наказание никогда больше ничего не станет читать.

Никогда!

На минуту стало тише, хотя никто не поверил. Если бы он сказал «всю неделю», а то – никогда. А какой-то дурак начинает паясничать!

– Э, нет, господин учитель не такой злой! Они дураки, что орут, но ребята хорошие!

Как будто и заступается, но сразу видно, что хочет учителя из себя вывести, чтобы скандал вышел. И учитель раскричался. Всегда один такой найдётся. Или ему ни до чего дела нет, и он даже не любит, когда урок интересный, потому что тогда в классе должно быть тихо – ведь все слушают. Или просто назло будет мешать, потому что ему как раз в это время что-то не понравилось.

Учитель уже смотрит, кого бы выгнать из класса, уже взглянул на часы, потому что хочет, чтобы поскорее всё это кончилось. И всем становится неприятно. Даже сам учитель жалеет, что всё так получилось, потому что знает, что слушали его хорошо. И он сдерживается, выдавливая из себя улыбку и говорит:

– Ну, ты там, оратор, повтори, о чём я читал.

Начинается обычный урок: учитель спрашивает, а класс ни бе ни ме. И учитель думает, что мы ничего не знаем, просто глупые ребяташки.

Когда я был большим, чем ближе меня что-нибудь касалось, тем легче мне было об этом говорить. А у детей, как видно, иначе. Если тебя что-нибудь очень волнует, то отвечать трудно, хотя бы ты даже и знал. Дети как будто стыдятся, что скажут не так, как чувствуют.

Урок кончился скучно, и только на перемене мы по-настоящему разговорились об эскимосах. Один запомнил одно, другой – другое. И ребята ссорятся:

– Так учитель читал.

– Неправда!

– Ты, может, проворонил, когда читали?

– Сам ты проворонил!

Призывают свидетелей.

– Правда, учитель читал, что окна делают изо льда?

– Правда, ведь тюлень – рыба?

– Ну ладно, спросим учителя!

Наверное, каждый, как и я, задумался в каком-нибудь месте и потом уже не мог догнать. Поэтому каждый помнит что-нибудь своё. И только весь класс вместе знает всё.

Теперь ребята будут играть в эскимосов где-нибудь на лестнице или во дворе и расскажут о них тем, кто не был на уроке, и ещё от себя добавят, чтобы было веселее.

Домой я возвращался с Манеком.

Улица мне теперь кажется необычайно интересной. Всё интересно: и трамваи, и собака, и проходящий мимо солдат, и магазины, и вывески на магазинах. Всё новое, незнакомое, словно только что окрашенное. Не то что незнакомое, потому что я ведь знаю, что это трамвай, но мне ещё хочется знать, чётный у него номер или нечётный.

– Давай отгадывать, какой будет первый трамвай – чётный или нечётный и меньше или больше сотни?

Солдат – значит, надо посмотреть, какие у него нашивки: пехотинец он или артиллерист.

Мастер возится с телефоном, рабочие чинят канализацию. Ну как не остановиться – может, случится что-нибудь интересное.

Обо всём приходят в голову новые мысли.

Мы встретили много собак. А одна облизала нос языком.

– Собакам не нужно носовых платков, они нос языком облизывают.

Я стараюсь дотянуться языком до носа.

Манек советует:

– Ты нос пальцем прижми.

Я говорю:

– Пальцем – это не фокус.

А он:

– А ты попробуй.

Мимо проходит женщина и говорит:

– Вот глупые, языки повысовывали.

Нам становится стыдно: мы ведь совсем забыли, что мимо люди идут и смотрят.

Если бы эта женщина знала, о чём мы разговариваем, она бы не удивилась, потому что ведь это была проверка, обязательно ли людям нужны носовые платки, насколько длиннее язык у собаки и каково человеку без носа. Мы хотели всё это испробовать, а тому, кто не слышал нашего разговора, кажется, что мы дураки.

Однажды, когда я был ещё взрослым, я спешил на поезд. А тут ветер поднялся и пыль прямо в лицо. Не знаю, чемодан ли держать или шляпу или лицо заслонять. Я злюсь, спешу, боюсь опоздать, потому что ещё билет купить нужно, а перед кассой может быть давка.

А тут ребята задом наперёд бегут – трое их было. Хохочут, рады, что ветер их подталкивает. Тоже, видно, что-то проверяли. А один мне прямо под ноги. Я хотел посторониться, а он за чемодан зацепился. Я на него прикрикнул – с ума, мол, он, что ли, сошёл, людям мешает. Но ведь и я ему помешал. Кто их там знает, во что они играли, что выдумали! Может быть, он был воздушным шаром или кораблём, а мой чемодан – подводной скалой. Для меня ветер – неприятность, для него – радость!

Когда я был маленьким в первый раз, я любил ходить по улице с закрытыми глазами. Скажу себе: «Пройду десять шагов с закрытыми глазами». А если улица пустая, закрою глаза на двадцать шагов и ни за что раньше не раскрою. Сначала иду быстро, большими шагами, а потом медленнее, осторожнее. Не всегда это удавалось. Один раз я свалился в канаву. Тогда ещё в канавах вода текла; это теперь канализация – каналы и трубы в земле. Так вот, я попал в канаву и вывихнул ногу – целую неделю болела. Дома я ничего не сказал, зачем говорить, если всё равно не поймут?! Скажут, что по улице надо ходить с открытыми глазами. Каждый это и так знает, но один-то раз можно попробовать.

В другой раз я треснулся лбом о фонарь и набил себе шишку; хорошо ещё, что в шапке был. Если хоть один шаг пойдёт вкривь, то меняется всё направление и тогда уж обязательно или на фонарь налетишь, или на прохожего. Когда на кого-нибудь налетишь, то один только отодвинется и ничего не скажет или пошутит весело, а другой как зверь набросится:

– Ослеп, что ли, не видишь?

И так свирепо посмотрит, словно готов тебя съесть.

Однажды – я тогда был уже большим мальчиком, лет пятнадцать мне было, – иду, а две девчушки догоняют одна другую, боком как-то бегут и прямо на меня. Посторониться было уже поздно, я наклонился, расставил руки – они так боком ко мне и влетели. Глядят испуганно. У одной глаза голубые, у другой – чёрные, смеющиеся. Я минутку попридержал их, чтобы не потерять равновесие. Одна крикнула: «Ой!», а другая сказала: «Простите». Я говорю: «Пожалуйста». И девчушки выпорхнули. Отбежали, оглянулись и смеются. А одна налетела на какую-то даму. И та её так толкнула, что девочка пошатнулась. Грубо так.

Ведь нужны же на свете дети – такие, как они есть.

Я говорю:

– Манек, давай побежим наперегонки с трамваем, а?

Мы стоим как раз около остановки.

– Ладно. Кто скорей – трамвай или мы. До угла.

– До угла.

Сначала это легко, потому что трамвай идёт медленно. Но вот мы уже мчимся по мостовой, рядом с тротуаром, где извозчики ездят.



Помешала пролётка. Мы проиграли.

Он говорит:

– А я первый!

– Это не фокус, у тебя пальто расстёгнуто.

– А тебе кто не велел? Ты тоже мог пальто расстегнуть.

Забыл! Столько лет не бегал наперегонки с трамваем, утратил навыки.

– Ну ладно, – говорю, – давай ещё раз, я тоже расстегнусь.

Но он больше не хочет. Говорит, башмаки рвутся. А мне бы только бежать да бежать. Я рад, что не устаю. Ведь запыхался, и сердце как стучало, а остановился на минутку – и уже отдохнул. От детской усталости не устают.

Говорим о несчастных случаях.

Я сказал:

– В моё время машин не было.

Он взглянул с удивлением:

– Как это – не было?

– Ну не было, – говорю я со злостью: досадно, что у меня так вырвалось.

Остановились у столба с объявлениями.

В кино идёт «Муки любви».

– Ты хотел бы посмотреть?

Манек поморщился:

– Не знаю. Про любовь все картины скучные. Или целуются, или по комнате ходят. Иногда только кто-нибудь выстрелит. Я больше про сыщиков люблю.

– А ты хотел бы быть сыщиком?

– Ещё бы. Гнаться по крышам, через заборы, с браунингом.

Мы читаем цирковую афишу.

– Больше всего я люблю цирк.

Стоим так, болтаем, потом идём дальше.

– А завтра пять уроков.

– Естествознание.

– Хоть бы учительница ещё что-нибудь рассказала про тюленей и про белых медведей.

– А ты хотел бы быть белым медведем?

– Ещё как!

– Да ведь медведи неуклюжие.

– Ничего не неуклюжие, это только так кажется. Но лучше всего быть орлом. Взлетел бы на самую высокую скалу, выше облаков, и сидел бы там, одинокий и гордый.

Иметь крылья куда приятнее, чем летать на самолёте. Известное дело, мотор может сломаться, ангары нужны, бензин, и не везде можно приземлиться. Надо его чистить, потом разбег брать. А крылья, если не летаешь, свернул, и баста.

Если бы у людей были крылья, нужна была бы другая одежда. На рубашке сзади делали бы отверстия, и крылья держали бы под пиджаком. А может быть, сверху...

Идут двое мальчишек и разговаривают. Те самые, которые минуту назад высовывали языки, чтобы облизать нос, те самые, которые только что бегали наперегонки с трамваем. А теперь они рассуждают о крыльях для человечества.



Взрослые думают, что дети умеют только озорничать и болтать глупости. А на самом деле дети предвосхищают отдалённое будущее, обсуждают его, спорят о нём. Взрослые скажут, что у людей никогда не будет крыльев, а я был взрослым и утверждаю, что у людей могут быть крылья.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.